
А. С. ХОДУНОВ

**ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТАБИЛЬНОСТИ
В ИРАНЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XX –
НАЧАЛО XXI ВЕКА)**

Рассмотрены структурно-демографические факторы, оказавшие влияние на политическую стабильность во второй половине XX – начале XXI века в Иране в целом и в некоторых его регионах с наибольшим риском политических потрясений. Приводится сравнение с частично сходными ситуациями в Косово. Особое внимание уделено динамике численности городской молодежи и доле молодежи 20–29 лет во взрослом населении.

***Ключевые слова:** Иран, Косово, молодежь, демография, революция, политические потрясения, сепаратизм, конфликт, политический режим, легитимность.*

Вторая половина XX века стала для большинства развивающихся стран временем ускоренного роста населения – «демографического взрыва» – благодаря заметному снижению традиционно высокой смертности. Этому способствовали ликвидация голода и недоедания и развитие современной медицины (Гоклани 2007; Назаретян 2011), в то время как рождаемость продолжала находиться на очень высоком уровне и снижалась со значительным запаздыванием (Коротаев и др. 2010).

Ускоренный рост населения (особенно молодежи) создает сильное социально-политическое напряжение. Многие молодые люди еще не успели обзавестись семьей или стабильной работой, к тому же они ставят под сомнение традиционные политические и религиозные авторитеты и поэтому легко мобилизуются, чтобы принять участие в конфликтах, в том числе насильственных. На этом фоне произошли серьезные политические потрясения, включая революции и гражданские войны с большим количеством жертв. Значительные потери в ходе международных и гражданских войн наблюдались преимущественно в государствах с очень высокой долей молодежи в населении (Goldstone 2002) даже при весьма

благоприятной экономической динамике. На Ближнем Востоке и в Северной Африке к таким потрясениям можно отнести хлебные бунты в Египте в 1977 году, восстание в Сирии в 1982 году, гражданскую войну в Алжире в 1992–2002 годах, Исламскую революцию 1978–1979 годов в Иране (Коротаев и др. 2010), а с 2011 года – революции и социальные взрывы в арабских странах (Серегин 2013). Во всех этих странах потрясения происходили в период значительного роста уровня жизни, резкого падения смертности, особенно детской, голод и недоедание были ликвидированы или сведены к минимуму. Парадоксальная на первый взгляд ситуация объясняется тем, что в развивающихся странах социально-экономическая модернизация запускает процессы, способные серьезно подорвать стабильность. Это прежде всего быстрый рост молодежи, концентрация большого количества молодых и неустroенных людей в городах, особенно крупных, что создавало прямую угрозу дестабилизации политической системы (Коротаев и др. 2010). В частности, с 1966 по 1975 год в города Ирана мигрировали 5 млн сельских жителей, и всего треть из них смогла отыскать работу, что привело к очень быстрому увеличению числа безработной городской молодежи. Неграмотная и плохо ориентирующаяся в городах молодежь вряд ли была способна на самостоятельные политические акции протеста, но ее мятежный потенциал использовало духовенство – наиболее влиятельная оппозиционная сила (Склярлов 1993).

Наиболее важным показателем считается рост городской молодежи 15–24 лет. При ее росте в 30–45 % за пятилетие всего 26 % государств избежали политических потрясений с жертвами более 500 человек, а при росте более 45 % потрясений не удалось избежать ни одной из стран (Коротаев и др. 2010).

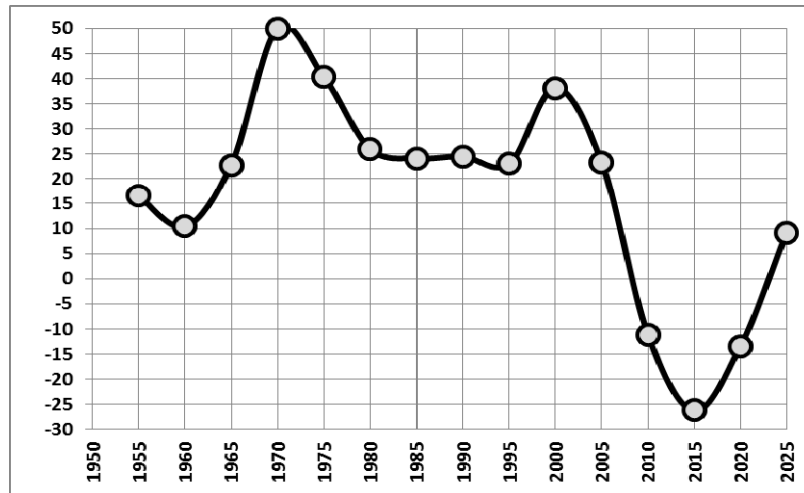

Рис. 1. Темпы роста городской молодежи в Иране по пятилетиям: 1950–1955, 2005–2010 годы, с прогнозом до 2025 года

Источник: UN Population Division 2015.

На рис. 1 видно, что в Иране до революции темпы роста городской молодежи превышали наиболее опасные величины дважды: в 1965–1970 (50 %) и в 1970–1975 годах (40 %). Но политическая обстановка в эти годы оставалась стабильной, что связано с быстрым развитием экономики и повышением уровня жизни прежде всего в городах: в частности, заметно увеличилась зарплата городских рабочих (Алиев 2004). Однако вскоре ситуация ухудшилась. Индекс стоимости жизни поднялся со 100 в 1970 году до 190 в 1976 году, особенно быстро росли цены на еду и жилье в городах. В результате значительно снизился уровень жизни городского населения. Основными причинами инфляции были рост цен на продовольствие на мировом рынке при неспособности иранского сельского хозяйства удовлетворить нужды населения, а также перегрев экономики в результате вливания огромных средств в дорогостоящие проекты развития, хотя об опасности этих мер предупреждали экономисты (Abrahamian 1982). А уже в 1978 году в Иране началась Исламская революция, хотя рост молодежи снизился ниже опасного уровня 30 % за пятилетие. Можно утверждать, что быстрый экономический рост в период особенно стремительного увеличения численности городской молодежи отсрочил политические потрясения. В оценках погибших в результате революции наблюдаются колоссальные расхождения: от 5 тыс. че-

людей, по данным некоторых западных исследователей, до 60 тыс., по данным иранского правительства (White 2010). Даже если верна минимальная оценка, количество жертв очень велико.

Наряду с ростом городской молодежи свою роль в кровопролитных политических потрясениях сыграл высокий уровень неравенства, экономический кризис, протест населения против массовых репрессий и прозападной политики шаха (Арабаджян 1989). Тем не менее этот фактор очень важен. Темпы роста городской молодежи превысили опасный уровень в 1995–2000 годах (38 %), а с 2005 года ее численность стала стремительно сокращаться: на 11 % в 2005–2010 годах, на 26 % в 2010–2015 годах. Прогноз до 2025 года предполагает постепенное уменьшение темпов ее сокращения и даже некоторый рост.

Еще один демографический показатель, свидетельствующий о возможной политической дестабилизации, – доля молодежи 20–29 лет во взрослом населении. В развивающихся странах, где численность молодых быстро растет, опасный уровень обычно начинается, когда она составляет около 30 % (Гринин, Коротаев 2012).

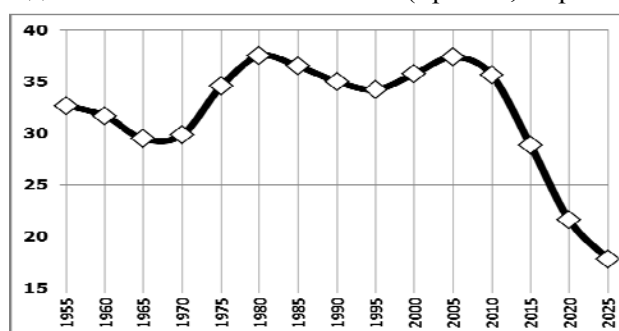

Рис. 2. Доля молодежи в возрасте 20–29 лет во взрослом (старше 20 лет) населении Ирана, 1950–2010 годы, с прогнозом до 2025 года

Источник: UN Population Division 2015.

В Иране после 1970 года доля молодежи стала быстро расти и достигла максимального значения 37,5 % в конце 1970-х годов, когда и произошла Исламская революция. К 1995 году она опустилась до 34,2 %, а к 2005 году снова выросла до 37,6 %. При этом с 1997 по 2008 год безработица среди мужчин 20–29 лет в целом по стране увеличилась с 17,6 до 23,4 % (в том числе с высшим образованием – с 18,2 до 22,4 %), а среди женщин – с 16,9 до 46,3 % (у имеющих высшее образование – с 18,5 до 52,6 % [Salehi-Isfahani

2010]). После этого снижение возобновилось, достигнув в 2010 году отметки в 35,6 %.

В 2015 году доля 20–29-летних составляет 28,9 %, а после 2020 года не превысит 20 %, опустившись намного ниже опасного уровня. Таким образом, динамика двух важнейших структурно-демографических показателей с начала нынешнего десятилетия не угрожает политической стабильности Ирана, в том числе и в долгосрочной перспективе.

То, что серьезных социально-политических потрясений в Иране с большим количеством погибших в последние годы не произошло, можно объяснить наличием важного политического фактора. Речь идет о более высоком по сравнению со странами «арабской весны» уровне развития демократии (хотя и ограниченной высшим духовенством) и высокой степени легитимности политической системы, которая пользуется поддержкой большинства населения. Власть в Иране разделена на религиозные и светские органы, избираемые демократическим путем, что помогает поддерживать равновесие внутри системы и способствует сглаживанию внутри власти конфликтов и противоречий (Дунаева, Мамедова 2011).

Доверие к правящему режиму подтверждают и данные ряда опросов. Религиозным институтам (в значительной степени олицетворяющим в Иране верховную власть) полностью доверяют 59 % иранцев (Azadarmaki, Moaddel 2002). Независимая организация *World Public Opinion* провела в Иране в сентябре 2009 года телефонный опрос 1003 человек. Как выяснилось, иранское общество четко разделено на три группы: «консерваторов», в достаточно высокой степени доверяющих иранскому режиму (47 %), «оппозиционеров», доверяющих незначительно или совсем не доверяющих (13 %), и «умеренных», занимающих промежуточную позицию (40 %). Иранцы, находящиеся в оппозиции существующему режиму (их явное меньшинство), как правило, молодые люди, имеющие более высокий уровень образования и чаще проживающие в крупных городах. Интересны ответы на вопрос о восприятии иранцами роли лидера страны, фактически контролирующего политическую систему. 6 % респондентов ответили: «Конституция дает Лидеру меньше полномочий, чем следует»; 62 % ответили: «Конституция дает Лидеру тот объем полномочий, который он и должен иметь»; и 18 % – «конституция дает Лидеру слишком большой объем полномочий» (в том числе 9 % от всех «консерваторов», 18 % от «умеренных» и 52 % от «оппозиционеров»). 14 % не дали определенного ответа или отказались отвечать. С утверждением «Представители духовенства должны отвергать законы, не соответствующие Корану»

(что происходит, согласно конституции, в современном Иране), согласились 63 % опрошенных (среди «оппозиционеров» – только 38 %), не согласились 24 % (среди «оппозиционеров» – 49 %), а 13 % не знали или отказались от ответа (Richman 2010).

Данные опросов свидетельствуют, что исламский режим поддерживает отчетливое большинство иранцев. На президентских выборах в Иране, в отличие от стран «арабской весны», наблюдается острая конкуренция кандидатов, и результаты выборов абсолютно непредсказуемы (Филин 2013). Массовая поддержка исламского режима подтверждается и достаточно высоким участием населения в выборах и референдумах. Например, в 2000-е годы в президентских выборах участвовали 60–67 %, а в 2009 году этот показатель оказался рекордным за всю историю – 84 %. Высокой была и явка на выборах в парламент. С 1988 по 2008 год она составляла в среднем от 60 до 70 %. Явка на выборы в Совет экспертов в 2006 году достигла 62 % (Parsons 2010). На первом этапе парламентских выборов 2012 года в голосовании приняли участие 64 % избирателей, что может быть оценено как вотум доверия исламской республике (Дунаева 2012). В президентских выборах 2013 года участвовали 73 % избирателей, а более умеренный политик по сравнению с М. Ахмадинежадом, Х. Рухани, получил 51 % голосов (Победителем... 2013). Для сравнения: в Египте при Х. Мубараке на первых альтернативных президентских выборах в 2005 году явка составила всего 23 % (Мамед-заде 2005).

Пример Ирана показывает, что и при серьезном демографическом давлении и высокой доли молодежи в населении страна даже при неблагоприятной экономической динамике может оставаться стабильной благодаря наличию пользующихся народным доверием демократических институтов и высокому уровню легитимности политического режима. Поэтому, хотя среди иранской городской молодежи процент поддерживающих режим заметно ниже, чем в среднем по стране, властям удалось сохранить политическую стабильность.

Применительно к такой многонациональной стране, как Иран, необходимо проанализировать ситуацию на национальных окраинах. Во второй половине XX века больше всего инцидентов, сопровождавшихся человеческими жертвами, наблюдалось в районах расселения курдов (несколько западных иранских провинций) и белуджей (провинция Систан и Белуджистан).

Наиболее серьезные политические потрясения произошли в Иранском Курдистане с марта 1979 по декабрь 1982 года, когда в регионе фактически шли полномасштабные военные действия

между курдскими повстанцами во главе с Демократической партией Иранского Курдистана и правительственными войсками. Погибли более 10 тыс. человек, а 200 тыс. оказались перемещенными лицами. Военные действия возобновлялись в начале 1990-х годов, а в 2004 году усилились, когда восстание подняла новая курдская политическая группировка Пейджак. Seriously подорвать обстановку в Курдистане, как это произошло в конце 1970-х – начале 1980-х годов, повстанцам не удалось, но выступления, периодически продолжающиеся до сих пор, привели к нескольким сотням убитых (Iran/Kurds... n.d.).

Один из важнейших факторов сепаратизма – наличие по соседству относительно стабильного и успешного иракского Курдистана, который фактически независим от центрального правительства. Кроме того, на нестабильность в Иранском Курдистане влияет общая напряженность в населенных курдами районах соседних государств. Например, иранская организация Пейджак фактически представляет собой отделение турецкой сепаратистской группировки Курдская рабочая партия (Дерин б.г.).

На наш взгляд, одним из важнейших факторов нестабильности в Иранском Курдистане является демографический, сочетающийся здесь с экономической отсталостью, которая способствует его обострению. Так, по переписи 2011 года, доля молодежи 20–29 лет в населении провинции Курдистан (где проживает значительная часть иранских курдов и обстановка наиболее неспокойна) составила 34,5 %. По переписи 1976 года, наиболее близкой к началу 1980-х годов, когда в Курдистане шла настоящая гражданская война, их доля была равна 33,1 % – также достаточно высокий показатель. Рост данного сегмента молодежи за 1976–1986 годы, в период гражданской войны, составил 27,5 %, а в 1996–2006 годах – уже 40 % (Салнаме-йе... 2013а). Это очень высокий и весьма опасный для политической стабильности уровень. Тот факт, что политические потрясения в 1980-х годах были гораздо сильнее, чем сейчас, хотя в настоящее время наблюдаются более опасные структурно-демографические показатели, можно объяснить как повышением уровня жизни в данном регионе, так и резким усилением государственного аппарата и спецслужб, которые в начале 1980-х годов только формировались (Dumitrescu 2010). Это говорит и о важности фактора силы государственных органов в подобных потрясениях.

Несмотря на мероприятия иранских властей по развитию в регионе промышленности и инфраструктуры, проблем в иранском Курдистане хватает. Это нехватка воды, электроэнергии, недостаточные темпы жилищного строительства. Крайне важным пред-

ставляется тот факт, что среди молодежи до 25 лет 63,1 % не имеют работы (Жигалина 2013). В условиях сохраняющегося резкого роста молодежи и значительного увеличения уровня урбанизации это способствует политической нестабильности.

Кроме Курдистана, очагом напряженности остается иранская провинция Систан и Белуджистан. Здесь наибольшую угрозу безопасности представляла группировка Джундалла, основанная в 2003 году 19-летним А. Риги. Отделение от Ирана не было официальной целью организации. Она объявила, что выступает за прекращение «государственного терроризма» и «геноцида белуджского народа» со стороны иранского режима, а также за улучшение жизни белуджей, возможность свободно исповедовать свою религию и ликвидацию дискриминации в культурной и административной сферах. В 2009 году Риги написал письмо генеральному секретарю ООН Пан Ги Муну, президенту США Б. Обаме и премьер-министру Турции Р. Т. Эрдогану, в котором указал на дискриминацию и репрессии по отношению к белуджам со стороны иранского режима (Izadinia 2012).

Причинами сепаратизма белуджей исследователи считают в основном те же, что и в Курдистане: принадлежность этого народа к суннитам на фоне дискриминации суннитов в Исламской Республике, экономическая отсталость провинции, разделение белуджей между тремя государствами, на территории которых они также ведут борьбу с центральными правительствами. Методами реализации своих целей Джундалла выбрала теракты, атакуя иранских государственных чиновников, КСИР, полицию, а также шиитов в мечетях. Жертвами стали, по разным оценкам, от 175 до более 400 человек (*Ibid.*).

Джундалла, прикрываясь благородными целями защиты прав человека, фактически развязала тотальный террор, в том числе и против иранских гражданских лиц-шиитов. За свою жестокость ее члены получили в Иране название «людоедов». Кроме сепаратизма, группировка исповедовала идеологию суннитского фундаментализма и ненависти к шиитам. Иранские власти смогли ее подавить только в 2010 году, когда был убит Риги, а остальные лидеры арестованы. Ситуация в Белуджистане после этого несколько стабилизировалась, хотя уже с весны 2012 года периодически продолжают действовать другие террористические белуджские группировки. Пока полностью стабилизировать ситуацию в регионе не удастся (Сабилов 2013).

Экономическое положение в провинции Систан и Белуджистан остается очень тяжелым. Регион является наименее развитым в

Иране, а в настоящее время переживает экономический кризис. Уровень общей безработицы составляет 50 %, среди молодежи он, скорее всего, может быть еще выше. Большинство сельских жителей провинции относятся к 30 % населения Ирана с наименьшим доходом. Систан и Белуджистан до недавнего времени не был включен в крупные экономические проекты центральной власти. Экономическое развитие осложняет отдаленность от крупнейших иранских городов и основных центров экономической жизни и инвестиций. В связи с этим, а также из-за близости к Афганистану и Пакистану, многие регионы которых слабо контролируются правительством, в этой иранской провинции расцвела контрабанда (Sistan-Baluchistan... 2014).

Нестабильность связана с демографической динамикой, которая здесь исключительно сильно выделяется по сравнению со стабильной в целом ситуацией в Иране. По переписи 2011 года, доля 20–29-летних в населении старше 20 лет составила 41,4 % (в 1976 году – только 31,6 %), что, по всей видимости, является одним из самых высоких показателей в мире. Численность 20–29-летней молодежи за 1996–2006 годы возросла в 2,03 раза, что также является беспрецедентно высоким показателем (Салнаме... 2013б). На этом фоне, особенно при зашкаливающе высоком уровне безработицы и наличии перманентной нестабильности в соседних, населенных белуджами, регионах других стран, политические потрясения отнюдь не случайны.

Таким образом, хотя в Иране в целом структурно-демографические факторы больше не угрожают стабильности политической обстановки, ситуация в регионах, где проживают курды и особенно белуджи, остается все еще взрывоопасной. Тем не менее она далеко не так тяжела, как можно было бы ожидать при столь высоких структурно-демографических рисках, что связано с наличием мощного государственного аппарата принуждения в Иране. Риски снизятся, если иранское правительство заметно ускорит экономическое развитие в нестабильных регионах.

Для лучшего понимания возможных сценариев событий в Иране уместно сравнить их с событиями в Косово, где многие обстоятельства были сходны с национальными окраинами Ирана.

События на Балканах (как и во всей Европе) в XX веке существенно отклонялись от общемировой тенденции, состоявшей в сокращении коэффициента насильственной смертности (Назаретян 2008). Только на территории современной Боснии и Герцеговины за XX век было убито в военных конфликтах и в ходе геноцида около 1 422 000 сербов (Ivanišević 2010). Беспрецедентный мас-

штаб убийств станет еще более очевидным, если иметь в виду, что сегодня сербов осталось значительно меньше, чем их было убито (1 239 000 чел.) (Rezultat... 2013). На протяжении XX века в регионе вспыхивало множество исключительно кровопролитных вооруженных конфликтов, одним из которых стал косовский.

В составе социалистической Югославии (1945–1991 годы) Косово пользовалось очень широкой автономией, с официальным албанским языком, разнообразной албаноязычной прессой и университетом, в котором велось преподавание на албанском. В развитие экономически слабо развитого края вкладывались достаточно большие деньги. Однако албанские сепаратистские группировки начали борьбу за полную независимость края, которая постепенно принимала все более радикальные формы: от провокаций и демонстраций в 1960-х годах до вооруженной борьбы в 1970-х и открытого вооруженного восстания в 1980-х годах. Правительство Сербии пыталось решить проблему централизацией и ограничением полномочий косовской автономии. В сентябре 1990 года автономия края была значительно урезана. Однако вместо стабилизации начались массовые демонстрации и столкновения с полицией, в которых приняли участие до 40 тыс. человек. Албанцы объявили о гражданском неповиновении, массовых забастовках, создании собственных, параллельных органов власти и даже образования и здравоохранения. Были созданы вооруженные формирования албанцев – Освободительная армия Косово (ОАК) (Гуськова 2007). Движение за независимость Косово постепенно все более радикализировалось и переросло в открытые боевые столкновения, как произошло в иранском Курдистане и Белуджистане.

Стоит обратить внимание на демографическую динамику автономного края Косово после Второй мировой войны и до начала 1990-х годов. Общая численность населения края выросла с 964 тыс. в 1961 году до 1967 тыс. в 1991 году, т. е. в 2 раза (2,4 % год). Это весьма высокий темп, который может создавать в социальной системе очень заметное структурное напряжение. Среди албанцев особенно быстро повышался уровень урбанизации: с 17 % в 1961 до 29 % в 1981 году. Из-за гораздо более быстрого демографического роста и иммиграции к 1991 году доля албанцев в крае составила 82 %, а сербов – только 10 % (по сравнению с 24 % по переписи 1948 года [Николич 2010]). Автору недоступны данные о динамике численности и роста молодежи в крае в рассматриваемый период. Но, согласно косовской переписи 2011 года, доля молодежи 20–29 лет в населении старше 20 лет составила 27,9 % (Zabergja 2013), т. е. находилась достаточно близко от опасного уровня в

30 %, причем рождаемость после 1990-х годов сократилась. По всей видимости, до 1990-х годов эта доля была еще выше и, возможно, значительно превышала опасный уровень. Также можно предположить, что достаточно высокими темпами росла доля городской молодежи. Таким образом, структурно-демографические факторы в Косово могли быть очень неблагоприятными для политической стабильности.

К концу 1990-х годов в крае резко выросло число терактов, там была сконцентрирована сербская полиция. Албанцы обвиняли сербов в массовых репрессиях и насильственном изгнании их со своей территории. В 1997–1998 годах начались полномасштабные военные столкновения, в ходе которых албанские террористы убивали и выселяли сербов и атаковали сербских полицейских. Террористы убивали и албанцев, лояльных сербским властям. В качестве базы им служила северная часть Албании, находившаяся в тот момент в состоянии хаоса. Однако к октябрю 1998 года сербской армии и полиции удалось полностью победить вооруженные формирования албанцев (Гуськова 2003). Преступления совершались албанской стороной, а также частью сербской армии и полиции (Искендеров 2012). В это время страны Запада потребовали от сербов прекратить огонь и вывести войска из Косово. Спецпредставитель США на Балканах Р. Гелбард заявил, что США считают албанские формирования повстанцами, а не террористами и что, по их мнению, скорее сербы проводят террор против косовских албанцев. По утверждению руководителя Контрольной миссии ОБСЕ в Косово и Метохии американца У. Уокера, в крае сербской армией были убиты 45 мирных албанцев, а убийство он видел лично. Западные государства обвинили Сербию в геноциде. В результате Сербии был поставлен ультиматум о вводе войск НАТО на территорию края, а после отказа сербской стороны 24 марта 1999 года начались бомбардировки, которые продолжались 78 дней (Гуськова 2003). Общее число жертв косовского конфликта составило до 10 тыс. человек, в основном албанцев (Mueller 2007).

После ухода сербских войск из Косово и прихода туда сил НАТО и Миссии ООН по делам временной администрации Косово обстановка в регионе резко ухудшилась. Миротворцы не смогли разоружить ОАК, которая сразу же принялась изгонять оставшееся неалбанское население, добиваясь создания этнически чистой территории. Это закончилось бегством практически всех неалбанцев. Только за один год боевиками было совершено 5 тыс. терактов, разрушено более 85 исторических и культурных памятников, 1 тыс. человек были убиты. Косово превратилось в зону хаоса и центр

международной организованной преступности, контрабанды наркотиков, оружия, торговли людьми (Гуськова 2007).

Сербские войска смогли подавить конфликт, но были вынуждены покинуть Косово из-за вмешательства НАТО. Можно предположить, что, если бы войска остались в крае, могла бы произойти относительная стабилизация обстановки, так же как это произошло в Курдистане и Белуджистане. Косовский конфликт сопровождался массовыми преступлениями против мирных граждан. Албанский террор очень напоминал действия «Джундаллы» в Белуджистане, которая убивала не только персов, но и лояльных иранскому государству белуджей. Еще одна общая черта – помощь сепаратистам со стороны соседних регионов, населенных тем же народом.

ОАК была тесно связана с наркоторговлей еще до событий 1999 года (The Special... n.d.). То же наблюдалось в Курдистане и Белуджистане, где сепаратистские движения контролировали наркотрафик (Панкратенко 2013). После ухода сербов масштабы торговли наркотиками в Косово выросли. Разнообразная криминальная деятельность здесь к настоящему времени достигла колоссальных масштабов, угрожающих стабильности не только балканскому региону, но и всей Европе. В Западную Европу через Балканы проходят 80 % всего наркотрафика. Албанские криминальные группировки, фактически контролирующие власть в Косово, полностью контролируют и транзит наркотиков. Чтобы не допустить прихода новой власти, в крае ведется политический террор против оппозиции, а криминальные структуры в этих условиях являются единственной реальной властью. Косово превратилось также в международный центр обучения радикальных исламских боевиков, в частности сирийских, а сами косовские албанцы в качестве наемников активно участвуют в войне в Сирии (Филимонова 2012).

Пример Косово показывает, что могло произойти и в иранских регионах, если бы радикально настроенные сепаратисты одержали победу: регионы стали бы центрами организованной преступности и анархии. В рассмотренных случаях очевидно взаимодействие целого ряда факторов: структурно-демографических, экономических, этнических, международных, что создает особенно серьезный риск политической нестабильности. Иран и Сербия смогли ослабить сепаратистские тенденции в своих регионах, однако в случае Сербии внешнее вмешательство НАТО, несмотря на официальные заявления о намерении защищать албанцев от сербского геноцида, только усугубило ситуацию и способствовало полномасштабной гуманитарной катастрофе.

В настоящее время доля молодежи 20–29 лет в Косово ниже опасного уровня в 30 %. Тем не менее в условиях хаоса и невозможности нормального экономического развития – безработица в 2012 году составила 31 %, в том числе более 60 % среди молодежи (In Kosovo... 2013), а импорт в 2010 году превышал экспорт в 7,3 раза (Kosovo's... 2015) – представляется, что в Косово можно ожидать дальнейших политических потрясений, в том числе, возможно, и внешней экспансии на территорию, формально являющуюся частью Косово, но фактически не находящуюся под его контролем.

Уместно также сравнить позицию сербского государства относительно Косово с действиями Ирана в своих беспокойных регионах.

Косово провозгласило независимость в 2008 году. В 2012 году после прихода к власти в Белграде Сербской прогрессивной партии А. Вучича был значительно ускорен начатый предыдущей властью переговорный процесс между сербской властью и албанскими руководителями в Косово, которых в Сербии разыскивают по подозрению в совершении многочисленных преступлений (Гуськова 2012). В результате в апреле 2013 года было подписано Брюссельское соглашение, фактически признавшее независимость Косово, хотя это противоречит и конституции Сербии, и мнению большинства сербов. Этот факт признает албанская сторона, а сербская власть из-за опасений потерять свой рейтинг признать не может. Один из пунктов соглашения включает в себя передачу севера Косово, населенного почти полностью сербами и де-факто контролируемого Сербией, под управление албанской администрации, которая подозревается в совершении преступлений над сербами в 1990-х годах. Это подразумевает и проведение там выборов по законам независимой Республики Косово. По словам Вучича, албанская администрация рассматривается им как временные органы управления автономным краем Косово, а выборы на севере являются лучшим средством остаться с Сербией. Белград в нарушение своих законов распустил сербские органы самоуправления севера, чтобы албанцы могли назначить свои. Вучич призвал сербов севера пойти на выборы. В ответ эта часть Косово фактически отделилась от Сербии, сформировав собственный парламент. Лидер севера Косово М. Якшич призвал население не слушать сербскую власть, которая, по его словам, заставляет сербов вопреки их воле войти в состав независимого государства Косово, и бойкотировать выборы, что и произошло: участие оказалось минимальным. В то же время премьер-министр Косово Х. Тачи рассматривает сербский север

как неотъемлемую часть своей территории и желает полностью установить над ней контроль (Филимонова 2013). Власти Косово считают его своей территорией, что может означать угрозу применения силы против нового государства сербов, а значит, и многочисленные новые жертвы. При этом власти Сербии фактически отказались от этого региона. Они не только не заинтересованы в борьбе за возвращение Косово в состав Сербии, но и проводят не поддающуюся объяснению, логике и здравому смыслу политику по передаче части территории Сербии отделившемуся от нее же государству, что к тому же представляет вполне реальную угрозу для населения передаваемой области. Такое поведение сербских властей коренным образом отличается от политики Ирана, направленной на удержание национальных окраин в своем составе, а не на бесконечные уступки радикальным движениям, что помогает сдерживать сепаратизм.

Сравнение развития событий в двух регионах мира с серьезными структурно-демографическими рисками демонстрирует, сколь существенна роль политики властей в социальной стабилизации при сходных обстоятельствах.

Литература

Алиев, С. М. 2004. *История Ирана. XX век*. М.: ИВ РАН, Крафт+.

Арабаджян, А. З. 1989. *Иранская революция 1978–1979 гг. Причины и уроки*. М.: Наука.

Гоклани, И. М. 2007. Глобализация человеческого благосостояния. *Демоскоп* 273–274. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2007/0273/analit09.php>. Дата доступа: 22.03.2015.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В. 2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюглярских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гуськова, Е. Ю.

2003. *Албанское сепаратистское движение в Косово*. URL: <http://guskova.ru/w/wars/2003-mar>. Дата доступа: 11.03.2015.

2007. Косовский узел. Зачем Европе несколько албанских государств? *Литературная газета* 26(6126).

2012. Разделит ли граница Сербию и Косово? *Голос России*. URL: http://rus.ruvr.ru/2012_12_17/Razdelit-li-granica-Serbiju-i-Kosovo. Дата доступа: 22.04.2013.

Дерин, С. [Б. г.] Ситуация в Иранском Курдистане. Ирак де-факто уже распался. *Центразия.ру*. URL: <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1337255400>. Дата доступа: 11.03.2015.

Дружиловский, С. Б. 2007. Иран: эволюция «исламской модели развития». *Полития* 4: 139–146.

Дунаева, Е. В. 2012. Итоги парламентских выборов в ИРИ. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2012/16-03-12a.htm>. Дата доступа: 22.03.2015.

Дунаева, Е. В., Мамедова, Н. М. 2011. Особенности формирования внешней политики ИРИ. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2011/14-02-11.htm>. Дата доступа: 22.03.2015.

Жигалина, О. 2013. Курдский вопрос в Иране. *Иран.ру*. URL: http://www.iran.ru/news/analytics/87113/Kurdskiy_vopros_v_Irane. Дата доступа: 11.03.2015.

Искендеров, П. А. 2012. «Бомбардировки Югославии стали причиной гуманитарной катастрофы»: эксперт о заявлении генсека НАТО. *ИА Рех*. URL: <http://www.iarex.ru/news/24628.html>. Дата доступа: 25.03.2015.

Коротаев, А. В., Халтурина, Д. А., Малков, А. С., Божевольнов, Ю. В., Кобзева, С. В., Зинькина, Ю. В. 2010. *Законы истории. Математическое моделирование и прогнозирование мирового и регионального развития*. М.: ЛКИ/URSS.

Мамед-заде, П. Н. Об итогах первых альтернативных президентских выборов в Египте. *Институт Ближнего Востока*. URL: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2005/22-09-05.htm>. Дата доступа: 22.03.2015.

Назаретян, А. П. 2008. Социальное насилие: сравнительно-исторический взгляд. *Историческая психология и социология истории* 1(1): 8–32.

2011. О прогнозировании в шутку и всерьез. *Историческая психология и социология истории* 4(1): 189–209.

Николич, Г. 2010. Албанский популяционный бум в Косово и Метохии после Второй мировой войны. *Српска.ру*. URL: <http://www.srpska.ru/article.php?nid=13665>. Дата доступа: 11.03.2015.

Панкратенко, И. 2013. «Людоеды шайтана». *Столетие*. URL: http://www.stoletie.ru/politika/ludojedy_shajtana_780.htm. Дата доступа: 11.03.2015.

Победителем президентских выборов в Иране объявлен Хасан Рухани. 2013. *Lenta.ru*. URL: <http://lenta.ru/news/2013/06/15/rohani/>. Дата доступа: 21.03.2015.

Сабиров, И. 2013. Ответ на «наркоджихад». В Иране казнены 16 сепаратистов из Белуджистана. *Столетие.ру*. Режим доступа: http://www.stoletie.ru/zarubejje/v_otvet_na_narkodzihad_917.htm. Дата доступа: 11.03.2015.

Салнаме-йе амари-йе остан-е Кордестан 1390 [2011/12]. 2013а. Сенендедж: Остандари-йе Кордестан.

Салнаме-йе амари-йе остан-е Систан-о Балучестан 1390 [2011/12]. 2013б. Захедан: Остандари-йе Систан-о Балучестан.

Серегин, О. 2013. Прогноз конфликтов от ВШЭ: где ждать «следующую Сирию». *Безформата.ru*. URL: <http://moskva.bezformata.ru/listnews/vshe-gde-zhdat-sleduyushuyu/14925319>. Дата доступа: 22.03.2015.

Скляров, Л. Е. 1993. *Иран 60–80-х годов: традиционализм против современности. Революция и контрреволюция*. М.: Наука, Вост. лит-ра.

Филимонова, А. И.

2012. «Независимое Косово»: патологический криминал глобального уровня (I). *Фонд стратегической культуры*. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2012/08/13/kosovo-patologicheskij-kriminal-globalnogo-urovnya-i-16008.html>. Дата доступа: 11.03.2015.

2013. Угроза применения силы против сербов Северного Косова. *Фонд стратегической культуры*. URL: <http://www.fondsk.ru/news/2013/11/14/ugroza-primeneniya-sily-protiv-serbov-severnogo-kosova-23999.html>. Дата доступа: 11.03.2015.

Филин, Н. А. 2013. Каждый из кандидатов на пост президента Ирана имеет шансы победить. *Голос России*. URL: http://rus.ruvr.ru/2013_06_04/Kazhdij-iz-kandidatov-na-post-prezidenta-Irana-imeet-shansi-pobedit-3974/. Дата доступа: 04.06.2013.

Abrahamian, E. 1982. *Iran Between Two Revolutions*. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Azadarmaki, T., Moaddel, M. 2002. The Worldviews of Islamic Publics: The Cases of Egypt, Iran, and Jordan. *Comparative Sociology* 1(3–4): 299–319.

Dumitrescu, O. 2010. The Intelligence and Security Services of Iran. *World Security Network*. URL: <http://www.worldsecuritynetwork.com/Iran/Dumitrescu-Octavian/The-Intelligence-and-Security-Services-of-Iran>. Дата доступа: 25.03.2015.

Goldstone, J. 2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 11–12.

In Kosovo: Helping Young People Join Society. 2013. *The World Bank*. URL: <http://www.worldbank.org/en/results/2013/08/16/in-kosovo-helping-young-people-join-society>. Дата доступа: 25.03.2015.

Iran/Kurds (1943-present). N.d. *University of Arkansas. Political Science department*. URL: <http://uca.edu/politicalscience/dadm-project/middle-east/north-africapersian-gulf-region/irankurds-1943-present/>. Дата доступа: 11.03.2015.

Ivanišević, M. 2010. Betonirana istina o našim stratištima. *Печам*. URL: <http://www.pecat.co.rs/2010/07/milivoje-ivanisevic-betonirana-istina-o-nasim-stratistima/>. Дата доступа: 25.03.2015.

Izadinia, V. 2012. A Study of Baluchistan and Jundullah. *The Vafaburg Periodical*. URL: <http://vafaburg.com/2012/04/21/a-study-of-baluchistan-and-jundullah>. Дата доступа: 11.03.2015.

Kosovo's Economy. 2015. *Ministry of Foreign Affairs*. URL: <http://www.mfa-ks.net/?page=2,119>. Дата доступа: 25.03.2015.

Mueller, W. 2007. Eight Years of Imprecision: Estimating the Kosovo War's Death Toll. *Defense & Foreign Affairs Special Analysis*: 3–6.

Parsons, N. 2010. Electoral Politics in Iran: Rules of the Arena, Popular Participation, and the Limits of Elastic in the Islamic Republic. *The Middle East Institute* 30: 1–13.

Rezultat popisa u BIH 2013. 2013. *Vreme*. URL: <http://www.vreme.com/cms/view.php?id=1150503>. Дата доступа: 25.03.2015.

Richman, A. 2010. Post-Election Crackdown In Iran Has Had Limited Impact on the Minority Expressing Strong Opposition to the Regime. *World Public Opinion*. URL: http://www.worldpublicopinion.org/pipa/pdf/feb10/IranianPublic_Feb10_rpt.pdf. Дата доступа: 22.03.2015.

Salehi-Isfahani, D. 2010. *Iranian Youth in Times of Economic Crisis*. URL: http://belfercenter.ksg.harvard.edu/files/Salehi-Isfahani_DI-WorkingPaper-3_Iran-Youth-Crisis.pdf. Дата доступа: 22.03.2015.

Sistan-Baluchistan: Rouhani's challenge. 2014. *Al-Monitor*. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/04/rouhani-sistan-baluchistan-impossible-mission-1.html>. Дата доступа: 11.03.2015.

The Special Relationship' with Militant Islam. N.d. NATO Backed Islamic Terrorism In The Balkans. The West's Secret Islamic Jihad In Former Yugoslavia. URL: <http://www.nlpwessex.org/docs/balkansusbackterrorism.htm>. Дата доступа: 11.03.2015.

UN Population Division. 2015. *United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division Database. World Population Prospects*. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population>. Дата доступа: 22.03.2015.

White, M. 2010. *Death Tolls for the Man-made Megadeaths of the Twentieth Century*. URL: <http://necrometrics.com/warstatx.htm>. Дата доступа: 22.03.2015.

Zabergja, S. et al. 2013. *Kosovo Population Projection 2011–2061*. Pristina: Kosovo Agency of Statistics.